

Забывтая знаменитость Омска. Памяти Егора Летова

Роман КОВАЛЁВ

«Старайтесь сделать что-то свое, не похожее ни на что и не имейте никаких авторитетов, кроме самих себя», - говорил он.

Незаметная жизнь

Летов всю жизнь прожил на окраине Омска, в

Чкаловском поселке, в типичном омском дворе, лишь за несколько месяцев до смерти он переехал в новую квартиру. Кажется, со времен его детства тут ничего не изменилось. И газеты в окнах подъезда, вполне возможно, старше самого Егора.

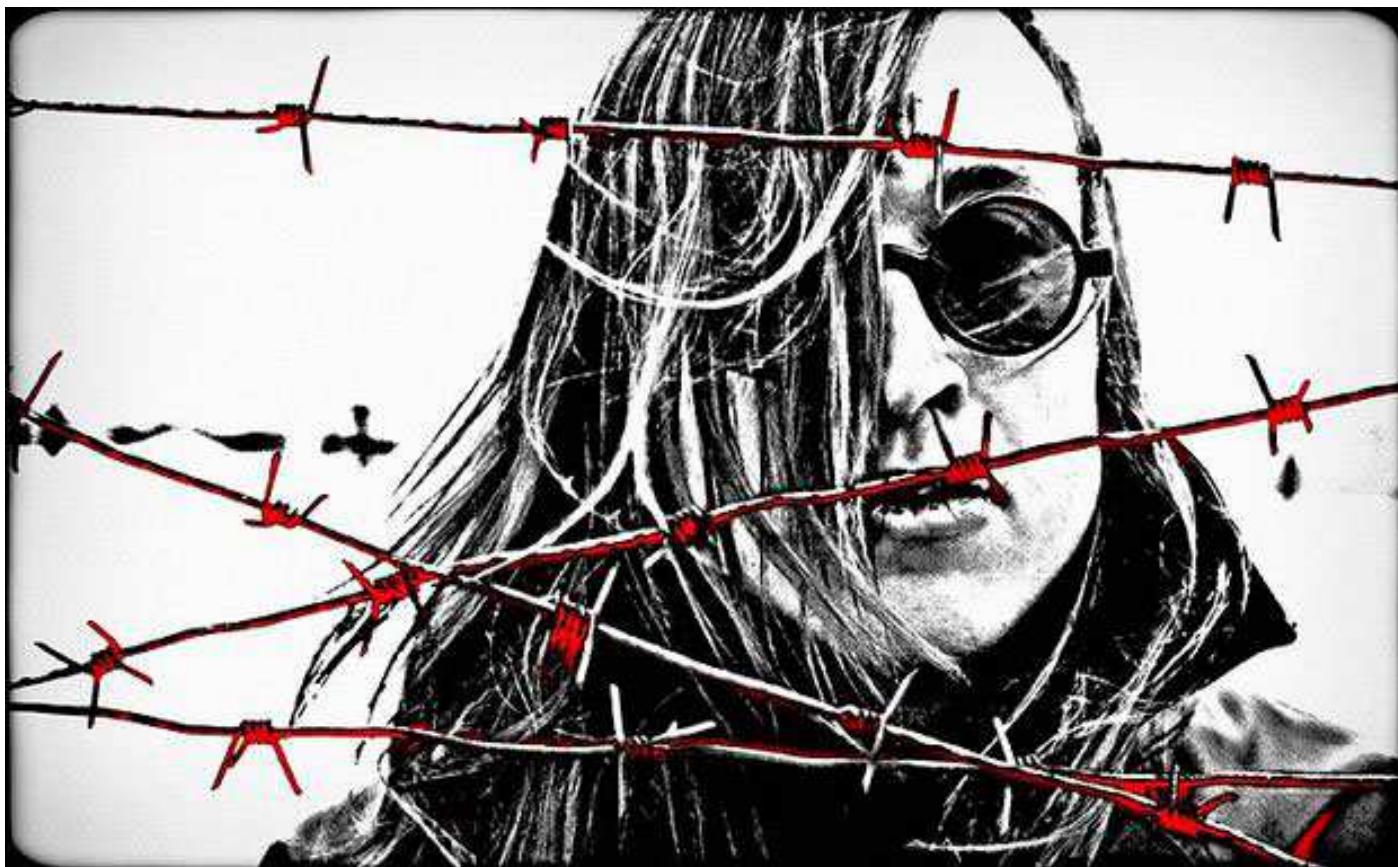
В квартире, в которой он жил, теперь отвечает женский голос, который о музыканте ничего не знает. Или говорит, что не знает. О Егоре не помнят соседи, о нем будто никогда и не знал никто. Так он хотел сам, так получалось у омичей. Возможно, Летов понимал, что спокойно жить обычной жизнью ему не дали бы, имей он в Омске хоть часть той известности, которую имел в

Питере или Новосибирске.

«Гражданскую оборону» играли в каждом дворе каждого города России. Но, творчество Летова прошло мимо нашего города. Отчасти из-за желания самого Егора, отчасти из-за культурного разлома, образовавшегося в Омске в конце 80х-начале 90х – в то время, как в Санкт-Петербурге записи «Гражданской обороны» продавались с тем же успехом, что и записи «Ласкового мая», в Омске о Егоре Летове не слышали вовсе.

Город ржавой урбанистики

Бешеная популярность в России и практически полная неизвестность в Омске.

Егор первым показал истинное лицо общества и оставался единственным, кто напоминал об этом лице до конца. Не удивительно, что **он так и не сыграл ни одного концерта в Омске**, словно берег его от себя и для себя. Этот феномен выглядит еще более дико на фоне практически полного отсутствия личностных героев в Омске. Достоевский, Колчак и еще несколько, появившихся в радиусе тысячи километров, человек, единственные, кого омичи вспомнят при соответствующем случае. В отличие от Екатеринбурга, Новосибирска, Москвы и Петербурга, где своими земляками гордились, в Омске, кажется, старались не замечать Летова. Регрессирующему омскому обществу он был чужд. Так и не случившийся культурный взрыв, произошедший в конце восьмидесятых во всех крупных городах СССР, поставил Омск в удручающее положение вечно отстающего города. Когда пришло время осознания себя, самоидентификации, омичи слушали «Ласковый май». Город, конечно, не хотел смотреть на себя со стороны, потому что увиденное вызывало бы отвращение.

Отряд не заметил потери бойца

Никого из состава Гражданской Обороны в Омске не

осталось. Многие умерли, остальные уехали. Смерть Егора осталась такой же не замеченной для Омска, как и его жизнь. 300 неформалов и два сюжета в местных новостях – всё, чем родина поблагодарила последнего и, наверно, единственного панка в российской истории.

Скандалные фотографии «последней записки» Летова, слухи о смерти от передозировки, шестого сердечного приступа, пятой клинической смерти, это всё то, от чего прятался в Омске Летов. Достать его смогли лишь после смерти.

Как и все творчество, смерть Егора нашла отклик в самых разных точках и головах страны. В разное время воспоминаниями о Летове делились Юрий Шевчук, Борис Гребенщиков, Эдуард Лимонов, Сергей Галанин, Сергей Удальцов и многие другие. Да и все, практически, так или иначе связанные с миром музыки люди.

Юрий Шевчук [в интервью](#) «Weekend» вспоминает первую встречу с Летовым:

«Был такой рок-десант в Крыму, куда приехал как-то весь наш рок-клуб. Егор Летов пришел к нам как раз во время нашего концерта на двоих с Петей Мамоновым. Я помню это ощущение весеннее такое: он был молод, глаза горели, очки сверкали, кулачки чесались — очень

хорошее впечатление тогда от него осталось. Мы много говорили о поэзии, о рок-музыке — теплый такой разговор получился. Конечно, потом мне уже был немного не по душе некий его радикализм плакатного свойства, с чем-то я не соглашался, безусловно. Но мне Егор Летов намного ближе, чем некоторые группы, которые я называю группы «Брат-2». Он был очень искренен — и в прорывах своего сознания, и в своих заблуждениях, и это было хорошо видно и слышно. Летов мне нравился потому, что он думал о серьезных вещах, о которых думают настоящие художники — о мире, о личности, о бытии.

С уходом такого большого поэта, певца и музыканта, как Егор Летов, тоже какая-то часть эпохи, какая-то часть истории России закончилась — наверное, ее самая свободная часть».

Политик **Сергей Удальцов**, автор, наверно, самого проникновенного очерка о Летове, пишет в [своем блоге](#):

«Смерть Летова для меня оказалась как неожиданной — как-то засело в голове «палка перегнулась — я буду жить долго», так и ожидаемой — не верилось, что у Егора начнется «долгая счастливая жизнь» без праздников и потрясений. Сейчас прихожу к мысли, — Летов

напоследок подарил всем нам еще одно гениальное творение – свою смерть. Умер легко и талантливо. Не в мучительной агонии, не от бессильной старости, не от ядовитой болезни – а во сне. Устал «быть против», идти поперек – и умер. Не предал себя.»

Выступление в московском клубе. 43-летний Летов исполняет один из хитов молодости

Омский художник **Дамир Муратов**: «С Летовым меня познакомил фотограф Андрей Кудрявцев в Питере, на Московском вокзале в 1988 году, вспоминает художник Дамир Муратов. - Янка тогда была и музыканты, кто именно не помню. Они ехали в Москву, давали там концерт, кажется в Механическом институте. И пригласили меня. По приезду я с друзьями ходил на этот концерт, он был в большой аудитории. Народу было не много, человек 50. Запомнились панки, один из них был с игрушечным автоматом и в танкистском шлеме. Звук был никудышный, панки что-то кричали. В конце концерта автомат был брошен в школьную доску, на фоне которой выступала Гражданская Оборона. Вот в принципе и все».

Фотограф **Андрей Кудрявцев** вспоминает концерт в Новосибирске:

«В 2000 или в 1999 году, этот концерт был. Там просто весь зал разнесли. Я отснял пять или шесть пленок, из них только кадров 15 музыкантов, остальное - зал. Потому что зал был просто бешенный. Там сопли, слезы, кровь. Сцена была низкая и, естественно, чтобы народ не залезал на нее, поставили цепью солдатиков. Так под руки они стоят, а на них весит несколько тысяч человек. А по бокам по двадцать омоновцев в бронежилетах, в шлемах, здоровые парни. Когда солдатики не выдерживали, и люди прорывались, вылетали омоновцы и кулаками всю эту толпу утрамбовывали обратно. Первый ряд был разбит полностью. Я говорю: и кровь, и зубы, все это свисает, а народу пофиг, потому что они вообще ничего не чувствуют, они видят только Егора Летова. Периодически вынимали из зала девушек, которые теряли сознание от нехватки воздуха и складывали их штабелями по краям зала. И тапочки везде валялись этих девочек. Естественно, я снимал только эту толпу, потому что толпа была просто невероятная. Зрелище было бешенное. Вот так проходили концерты Егора Летова.»

Борис Гребенщиков [признавался](#), что ему жалко лирического героя Летова:

«Мы никогда не пересекались с Летовым, но я знаю, что

он пел одну из моих песен. Мне жалко лирического героя Летова, он видел мир в тёмных красках. Я же предпочитаю видеть мир многоцветным. А ещё я обязан ему тем, что генезис песни «Никита Рязанский» - это песня Егора про дурачка.»

«Больше всего Егор не хотел никакого ажиотажа вокруг своей персоны, - вспоминает на сайте группы [Гражданская оборона](#) Наталья Чумакова, жена Летова. - Желал быть похороненным так, чтобы никто этого места не знал».

Но, конечно, все, кому нужно, знают, где он похоронен. В

2010 году на могиле кумира миллионов установлен памятник в виде иерусалимского креста, такого, какой всю жизнь носил сам Егор. Средства на памятник собрали поклонники группы.

Омск облегченно забыл Летова. Найти это место без подсказки зрителя кладбища довольно сложно. Узкая тропинка ведет к заснеженной могиле. Внешне кажется, что посетителей здесь не было с прошлой годовщины. Сегодня вечером немногочисленные поклонники в очередной раз придут сюда, принесут цветы. Никакого ажиотажа. Никакой суеты. Все так, как и хотел Летов.